

классиков. Это своеобразный тест для зрителя, позволяющий определить, насколько широк круг его литературных ассоциаций. Фильм вряд ли можно назвать «русским по духу», но возможно, это и не было целью режиссера. Мотивы русской литературы (мотивы памяти, рокового слияния двух сердец, любви и смерти) выполняют скорее декоративную функцию и служат чисто эстетическим задачам режиссера, их идейное содержание значительно ослаблено. Последнее не умаляет очевидных достоинств фильма. Обращение к русскому литературному контексту позволило режиссеру вырваться за рамки традиционного сентиментального кино и придать фильму неповторимые лирические интонации

Список литературы

1. Бронич М.К. Рецепция русской литературы и культуры в творчестве Сола Беллоу: Автореферат дисс. ...докт. филол. наук. – Нижний Новгород, 2010. – С. 4.
2. Девушка и смерть Йоса Стеллинга. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/culture/movie/42921>. (дата обращения: 02.03.2016).
3. Лотман Ю.М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки. – СПб.: Искусство-СПБ, 1995. – С. 786.
4. Рыжова П. Реэкспорт русской клюквы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/society/13056551/>. (дата обращения: 19.02.2016).
5. Саиров В. La vie, et les larmes, et l'amour. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gazetasubtitry.ru/item/?id=322>. (дата обращения: 18.02.2016).
6. Сенькина Ю.Н. Тургеневская концепция любви в интерпретации ученых. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: CyberLeninka.ru/article/n/turgenevskaya...lyubvi-v. (дата обращения: 03.03.2016).

ФИЛОСОФИЯ МОРАЛИ, РЕСЕНТИМЕНТНОЕ СОЗНАНИЕ ГЕРОЯ И ЖАНР. РОМАН Ф. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Байтурина У.К.

(E-mail: u.baiturina@mail.ru)

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан

Статья посвящена жанру романа в аспекте философии морали и ресентиментного сознания героя. Уточнение жанра книги как покаяния без раскаяния строится на трактовке преступления с этической и криминальной позиций, полифонизме романа.

Роман «Преступление и наказание» Ф. Достоевского известен со школьной скамьи. Как любое хрестоматийное произведение, роман кажется понятным и изученным в достаточной мере. Однако новые открытия, касающиеся жизни и творчества писателя, приобретающие резонанс в год празднования юбилея писателя, выявляют возможность выделения новых граней поэтики произведения. С другой стороны, синтез исследовательских стратегий, характеризующих современную методологию литературоведения, являет интересные опыты прочтения классических произведений в интегративном ключе. Так, сочетание литературоведческого и культурологического подхода, сфокусированных в области феноменологической трактовки романа, возрождает представления начала XX в., подтверждающие их актуальность для трактовки преступления с этической и криминальной точек зрения – как конфликта между правом и сознанием.

Современная ситуация в литературоведении характеризуется вниманием к построению комплексной модели литературоведческого анализа. Пример такого подхода содержит диссертация, посвященная богословскому ритуалу, исследованному с позиций «культурно-

семиотической (и структурной), деятельностной, ценностной, коммуникативной моделей: семиотический и функционально-семиотический анализ культурных феноменов, представленных как тексты, семантическая и прагматическая интерпретация» [1]. Признанная современными учеными полипарадигмальная форма литературоведческого познания способствует, по мнению литературоведов, и более достоверному и точному изучению объектов культурологии. Показательной в этом плане является диссертация, посвященная соотношению литературоведения и культурологии, предметным и методологическим связям [2]. Обозначенная исследователем цель – «эксплицировать теоретико-методологические основания философско-культурологического анализа литературоведческого дискурса» [2, 5]. О синтезе литературоведения и культурологии пишет и польский ученый, объясняющий их связь трех дисциплин тип и характер литературоведческих исследований: к ним он относит философскую антропологию, литературоведческую аксиологию и такая отрасль исторического литературоведения, как эмигрантология [3, 128].

Написанная в начале XX в. Д. Мережковским книга «Толстой и Достоевский. Вечные спутники» [4] представляет интерес как с точки зрения оценок преступления Раскольникова и его теории права художником-символистом, так и диалоге с книгой современника Мережковского – Макса Шеллера «Ресентимент в структуре моралей» [5].

Понятие ресентиментного сознания восходит к этимологии слова *Ressentiment* – *неудовлетворение, нежелание, обида*. Это термин, обозначающий психологическое явление, формулировку иллюзорных моральных ценностей и оценок в качестве компенсации слабости, бессилия человека. Ресентимент возникает на фоне эмоций (мстительности, зависти, радости по поводу несчастья другого) в случае невозможности их преодоления и при чувстве полного бессилия. Теория ресентимента и представление о ресентиментном человеке была сформулирована Ф. Ницше, который различал моральность рабов и моральность сверхчеловека, опирающуюся на силу. О воспроизведении ресентиментного человека Ф. Ницше в его стихах есть интересный труд [6, 178].

Книга немецкого автора к роману Достоевского отношения не имеет. Вместе с тем сопоставление трактовки Мережковским преступления, которое перекликается с современной оценкой сознания Раскольникова как ресентиментного, о чем писала И.В. Днепровская в «Метафизике преступления в философии Ф. М. Достоевского: личность в поиске подлинности бытия» [7], с книгой немецкого социолога открывает новую грань романа, его проблематики и позиции автора, отношения к герою.

Одна из центральных проблем изучения романа, составившая область правосознания и правопонимания, охарактеризованная в русле ресентиментного сознания, приводит к любопытным наблюдениям. Предпринятый в настоящем докладе анализ понятия «ресентиментное сознание» в контексте оппозиции «*подлый человек*» / «*подлое*» *ценностное сознание* расширяет галерею преступников, вовлекая в нее, помимо Раскольникова как основного «идеолога» и реализатора теории права как права на преступление, Соню Мармеладову, Лужина, Свидригайлова, старуху-процентщицу Алену Ивановну, сестру Дуню, готовую к жертве на брак с Лужиным ради брата и т.д. Фактически при таком понимании «ресентиментного сознания», рассмотрении преступления не столько в уголовном, сколько этическом плане, как конфликта между заблуждением и иллюзиями ценностного плана, обособляется роль наказания за преступление. Внимание к «бессилию» в онтологическом и религиозном смысле – как причине преступления – делает для нас актуальной мысль Мережковского о романе Достоевского как книге о покаянии без раскаяния. И тогда двойничество героев – как результат метаний между ложно понятой ценностью и оправданием своего преступления без наказания – расширяет круг двойников Раскольникова в лице Лужина и Свидригайлова.

Актуальность сопоставления книг Мережковского и Шеллера обусловлена исследованием жанрового своеобразия романа в аспекте философии морали и ресентиментного сознания

героя. Этическая трактовка преступления раскрывает в проблеме ценностей значимость дихотомии «подлый человек» / тип «подлого» ценностного сознания. Бахтинское понятие полифонизма романа Достоевского, уточненное с позиций героев как носителей «разных моралей» четко очерчивает два пространства – правосознания и правопонимания – как почву криминальной трактовки преступления.

Цель настоящего доклада заключается в установлении связи «ресентиментного сознания» как источника жанра романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание» как книги покаяния без раскаяния. Задачи доклада состоят в изучении двух трактовок преступления, этической и криминальной, классификации ресентиментных типов в романе, уточнения полифонизма романа как множественности трактовки смерти.

Обычно проблему права и сознания как категориальные понятия для философско-художественного сознания Достоевского упоминают в мировоззренческом ключе. Между тем контекст осознания права в автобиографическом контексте не менее значим для понимания перелома, который произошел с писателем после каторги. Ощущением ссыльным писателем права на чувства, которое запечатлено в архиве Достоевского, позволяет по-новому взглянуть на полифонический контекст права в романе, не ограничиваясь ни главным героем романа, ни его смеховыми двойниками – Лужиным и Свидригайловым. Так, в семипалатинский период жизни в письме к Врангелю Достоевский пишет о Марии Дмитриевне Исаевой: «О, друг мой! Мне ли оставить ее или другому отдать, ведь я на нее имею *права*, слышите *права!*». Не случайно автор популярных книг о Достоевском, ученый и журналист, просветитель и президент Фонда Достоевского И. Волгин называет «сибирский» роман писателя главным романом его жизни. «Права» (не право в единственном числе и как родовое понятие) как признак исключительного чувства, впервые постигаемого писателем в ссылке принимает характер формулы личности, если вспомнить другие истории влюбленности писателя.

В ссылке Достоевский был готов предложить руку и сердце дочери ссыльного поляка Марии Ордынской, написал 18 писем-признаний в любви «одиноким девице» Е.М. Неворотовой. Но чувства к М.Д. Исаевой, облеченные в формулу «права», придает характер категории страданию, очищающему и преображающему. Такое понимание силы страдания определило его в качестве сквозной темы и духовного сюжета позднего творчества писателя.

Для понимания позиции Мережковского в трактовке преступления важно учитывать отношение *права* к *сознанию*. Отсюда отсутствие религиозной чувствительности Раскольникова как причина уголовного, но не нравственного преступления. Философско-религиозные взгляды автора романа: о вере и путях богоспасения – позволяют обозначить границы между преступлением в этическом и криминальном смыслах. И здесь следует обратить внимание на особенность философских трактовок Достоевским ряда важных этических понятий. Во-первых, осознание себя «подлецом» Раскольникова: «... я и первого шага не выдержал, потому что я подлец» (107)². Здесь важно отталкиваться от криминального, уголовного понимания преступления, носителями которого в книге являются Порфирий Петрович, Свидригайлов и Лужин. Мережковский писал: «Есть уголовное преступление, но нет наказания, а есть два вида осквернения, кощунства» [4, 213]. Поставив проблему испытания героя свободой, писатель ставит проблему русской идеи и ее связи с преступлением.

Во-вторых, обратим внимание на признания главного героя и оценки им морали. Так, разоблачение Раскольниковым «деятельной любви», проповедуемой Соней Мармеладовой, отражает два типа отречения героев от общепринятых ценностей, установленных моралью. Они оказываются противоположными только внешне. Обесценивая жертвенность Сони: она «тоже смогла переступить» (67) и: «А что ты великая грешница, то это так. А пуще всего тем

²Текст романа Ф. Достоевского цитируется по изданию: Достоевский Ф. Преступление и наказание. — М.: ЭКСМО, 2020. — 672с.

ты грешница, что понапрасну умервила и предала себя» (56) – герой обвиняет Соню в неспособности к свободе. Ее духовная незрелость, бессознательное оправдание «преступной мученицы» уравнивают ее преступление не только с Раскольниковым, но, по мнению Мережковского, делают ее мораль такой же мертвой, как христианскую ложь палача Порфирия Петровича [1, 208]. Юродство Сони, когда Раскольников впервые видит ее на площади, в нелепом одеянии: *«Она была тоже в лохмотьях; наряд ее был грошовый, но разукрашенный по-уличному, под вкус и правила, сложившиеся в своем особом мире, с ярко и позорно выдающеюся целью. ...Из-под этой надетой мальчишески набекрень шляпки выглядывало худое, бледное и испуганное личико с раскрытым ртом и с неподвижными от ужаса глазами...»* (38) – это априорная формула заведомого прощения некоторого слабоумия, объясняющего ее дружбу с кроткой и слабоумной Лизаветой. Однако в прозрении Раскольникова значимо юродство Сони: *«С новым, странным, почти болезненным, чувством всматривался он в это бледное, худое и неправильное угловатое личико, в эти кроткие голубые глаза, могущие сверкать таким огнем, таким суровым энергическим чувством, в это маленькое тело, еще дрожавшее от негодования и гнева, и все это казалось ему более и более странным, почти невозможным. «Юродивая! юродивая!» – твердил он про себя»* (83).

Противоречивая любовь Сони к человеку и миру, жертвенная и деятельная одновременно, с точки зрения рассматриваемого философского понятия «ресентимент» приобретает два плана. Эта любовь одновременно милосердна: это отношение к сырым, больным, убогим, наследованное из библейских заповедей. Но и вместе с тем имеет бессознательный характер. Однако духовная незрелость компенсируется прозреваемой писателем «внутренней спасенностью и полнотой собственной жизни человека» [5, 81]. Цитирование Библии и апелляция к Царству Божию определяют личностную полноту Сони, ее «готовое», априори воспринятое знание. Вместе с тем по той же причине она равнодушна к собственной «судьбе», что оценивается Раскольниковым как преступление, а оно для героя не отличается от убийства. Вместе с тем страстные, основанные на искренней вере призывы Сони к покаянию: *«Встань, поди, поцелуй землю, которую ты осквернил, и скажи всему миру: «Я убил»* (73) (но не раскаянию, что предполагает высокую степень духовной зрелости), желание добра и готовность прийти на помощь разоблачают мнимо деятельностный характер любви героини. Бессознательно воспринятые героиней ценности, наивная и стихийная эмоциональная погруженность Сони в мир незыблемых установлений напоминает об отмеченном Достоевским в «Дневнике писателя» сердечном знании русского народа о Христе.

Сюжет искупления, который осмыслен писателем в духе евангельской сцены в главе о приезде Сони вслед за Раскольниковым в Сибирь, развивает тему «святости» Мармеладовой. Раскольников падает к ногам Сони и плачет. Эта сцена отсылает читателя к библейскому тексту: *«Мария же, пришедши туда, где был Иисус, и увидев его, пала к ногам его; и сказала ему: господи! если бы ты был здесь, не умер бы брат мой. Иисус, когда увидел ее плачущую и пришедших с нею иудеев плачущих, сам воскорбел духом и возмутился»*. Примечательно в этом контексте также то, что Иисус в разговоре с учениками называет смерть Лазаря сном. Так и состояние Раскольникова подобно пребыванию в бреду, сне, от которого он освобождается по-настоящему только на каторге, в ссылке. Описание сцены: *«Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого. Они положили ждать и терпеть. Им оставалось еще семь лет; а до тех пор столько нестерпимой муки и столько бесконечного счастья! Но он воскрес, и он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим, а она — она ведь и жила только одною его жизнью!..»* (170) – возрождает архетипический сюжет вины и наказания. В творчестве христианоцентричного Достоевского героям даровано если и не прощение в прямом смысле этого слова, то хотя бы духовное пробуждение.

Шеллер называет ресентиментом «особенность внутренней диспозиции», которая возникает «у человека, который стремится «дискредитировать» давящие на него чуждые ценности» [5, 36]. Проецируя такое понимание на трансляцию героями Достоевского разных моралей, мы получаем возможность трактовать преступление в этическом смысле как конфликт ценностей в сознании Раскольникова. Поэтому подражание Наполеону-властелину мира, безусловное и высокое, рождает иллюзорные ценности у героя, делая ресентиментным его сознание.

Ресентимент связан со специфическим чувством бессилия. Если учесть сопровождение этической категории бессилия понятием враждебности, то дихотомия преступления и наказания – с позиций ценностного сознания и понимания – при помощи Шеллера, принимает такой характер. В «системе конкуренции» идеи жизненных задач и их значимости критерий: «быть и значить больше через сравнение всех со всеми другими» [5, 31] – открывает в преступлении Раскольникова, который «забыл» других для себя и Сони, убившей в себе себя для других (по мнению Раскольникова, никому не принося пользы), момент всеобщей погони за «больше-значимостью». В ответ на ужаснувшее Дуню признание брата, Раскольников хладнокровно говорит: «Все убивают» (255). Деление героем людей на «тварей дрожащих» и «право имеющих» становится выражением «внутренней безграничности стремления» (Шеллер) и следствием «упразднения некогда существовавшей содержательной и ценностно-качественной обусловленности стремления» [5, 31]. Однако трактуемое в социологии как прогрессистский принцип «желание преодолеть «планку», поставить «рекорд» какосновной движущий мотив» – становится при прочтении романа – в свете выработанных австрийским ученым понятий – признаком «бессилия» Раскольникова. Иными словами, так понятое «бессилие» становится одним из проявлений «нисходящей жизни».

В-третьих, возвращаясь к мысли о правомерности расширения галереи преступников романа, используя теорию Шеллера, можно привести классификацию ресентиментных типов в романе. Почему это так важно? Тогда мы убеждаемся в справедливости оценки книги Достоевского Мережковским как книги о покаянии без раскаяния. В этом смысле известное науке положение о смеховых двойниках Раскольникова в лице Свидригайлова и Лужина подтверждается тем, что они являют противоположность главному герою, трансформируя его активное поведение в мнимо активное, обезличивая «ценность» установок героя. В этом ряду навязчивая зависимость Свидригайлова от привидений и теория «целого кафтана» Лужина. Отсюда и сближение преступлений, разных только на первый взгляд: Свидригайлова (в виде сплетен и слухов) – о доведении до самоубийства девочки, призраки являющихся ему Марфы Петровны и слуги Фильки с продранными локтями, стремление Лужина к браку с сестрой Раскольникова как проявление бессилия «подлого типа ценностного сознания».

Коннотация понятия «убить», обоснование этических его осмыслений: «Я захотел убить для себя, для себя одного» (86), «... мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? ...я только попробовать сходил» (86), «Я и сам хочу жить, а то лучше уж и не жить» (86), «Я захотел осмелиться» (85) – имеет в основе сознательное и демонстративное принижение ценных качеств объекта сравнения. Отсюда акцентирование в портрете старухи-процентщицы автором, транслирующим зрительный образ в восприятии Раскольникова деталей, построенных на литоте: «крошечной, сухой старушонки лет шестидесяти, с *вострыми и злыми глазками, с маленьким вострым носом*» (9). Отсутствие покаяния и раскаяния в убеждении: «вошь убил, Соня, бесполезную, гадкую, зловредную» (361), «тощенькая, гаденькая регистраторша» (166), «старуха – вздор» (41) – характеризует ресентиментное сознание героя как систему «иллюзорного восприятия и фальсификации самих ценностей» (М. Шеллер). Невозможность допущения героем к убитой им старухе ни малейшей капли сочувствия характеризует философию преступления и наказания в романе.

Вместе с тем для героя Достоевского принципиально позитивное, преобразующее мир ядро его теории. Для него преступление, по мнению Мережковского, не только отрицание и разрешение, но «утверждение нового, связанного с ...вечными, неизменными законами природы» [4, 193]. Формулу преступления героя Мережковский определяет как «преступление для преступления» [4, 203].

Необходимость прочтения романа в системе двух трактовок преступления и наказания – в этическом и юридическом, уголовном применительно к Раскольникову – иллюстрирует решение писателем проблемы страдания и искупления вины. Соня призывает Раскольникова публично покаяться и признать себя преступником, что героем одновременно и отвергается, и принимается. Двойственность отношения героя к народу на Сенной площади, одновременно демонстративный и насмешливый «акт отречения» не является противоречивым при очевидной конфликтности. Это знак не созревшей готовности героя к раскаянию.

Конфликт между желаниями и волей героя позволяет уточнить полифонизм романа в аспекте разных граней преступления с позиции взгляда извне. Исследование преступления с точки зрения ресентимента выявляет множественность трактовки смерти с позиции ценностных категорий. Смерть кроткой, слабоумной Лизаветы с голубыми глазами, которая не плачет, не стонет, не молит о пощаде, а оседает, выявляет неслучайность ее смерти. Причина смерти сестры процентщицы обусловлена препятствием к разрядке героя на пути от аффекта к ресентименту. Поведение Лизаветы, воспринимаемое как отсутствие страха, объясняется не слабоумием и неожиданностью такого конца. Здесь присутствует страх в значении «глубокого чувства скованности жизни», иначе говоря «запуганности», «забитости», сумеречного сознания.

Понятие смерти, ее неслучайности и случайности одновременно, отчетливо проступает в размышлениях Свидригайлова. Если применить понятие Шеллера о смерти как «модусе мироощущения», то суждения Свидригайлова о вечности как закоптелой баньке с пауками по углам выявляют экзистенциальный страх героя как причину самоубийства. Но и Раскольников боится Свидригайлова: «Я этого человека боюсь» (22) и «Каким-то холодом охватило вдруг Раскольникова при этом безобразном ответе» (221). Пристальный интерес Свидригайлова к способности Раскольникова верить объясняет границы двойничества в романе и роль Свидригайлова как пародийного двойника героя. Активное поведение – в ценностном смысле – героя объясняет и возможность духовного исцеления и прозрения Раскольникова как освобождение аффекта от связи с человеком, на которого он был направлен. Условием для возможности исцеления становится понимание героя: «Я не старушонку убил. Я человека в себе убил» (86). Акт отречения Раскольникова, теоретика и преступника, восходит к разработанной им системе ценностей. Автор воссоздает путь духовного заблуждения героя к прозрению.

Неслучайность убийства оборачивается непреднамеренностью, отсутствием умысла. Отсюда отсутствие сожалений героя, что заставляет читателя вспомнить демонстрируемую им временами циничность суждений. Как заметил Порфирий Петрович о преступлении: плод «раздраженного сердца» (141). Цинизм рассуждений Раскольникова касается не только права великих, но и «чуть-чуть выходящих из колеи людей», которые способны сказать что-то новое и потому «должны по природе своей быть непременно преступниками» (240). С другой стороны, ресентиментная природа сознания Раскольникова объясняет «чрезвычайное напряжение между импульсом мести, ненависти, зависти и их проявлениями, с одной стороны, и бессилием, с другой, приводит к той критической точке, когда эти аффекты принимают *»форму ресентимента«*» [5, 49]. Бессилие Раскольникова вызвано осознанием эстетической разницы между преступлением Наполеона и собственным. Отсюда вывод: «Боязнь эстетики есть первый признак бессилия!» (489). Мережковский обращает внимание на обнажение «эстетической» шелухи Раскольникова, что «обнажает вопрос преступности» героя и обуславливает полное тождество для писателя-символиста преступлений Наполеона и Раскольникова [4, 188]. Выражением бессилия становится и сомнение, и отчаяние

Раскольников: «Да так ли, так ли все это?» (37). Но сомневается герой не в своем преступлении, в преступлении вообще?

Итак, применение разработанных Шеллером понятий в области философии морали и ее практики позволяет расширить изучение романа в духе представлений о ре resentиментном сознании героя. Внимание к дихотомии «*подлый человек*» / «*подлое*» ценностное сознание проливает свет на полифонизм романа как единство разных «моралей», обобщенных понятиями правосознания и правопонимания. Классификация героев романа в аспекте ре resentиментных типов определяет роль заблуждения и иллюзии как ценностей, лежащих в основе философии преступления и наказания.

Список литературы

1 Лебедев В.Ю. Культуро-семиотические аспекты литургического дискурса: на материале ортодоксально-христианских ритуальных текстов: диссертация ... кандидата философских наук. – М., 2002. – 242 с.

2 Манохин Д.К. Философско-культурологическая интерпретация литературоведческого дискурса: методологический аспект: диссертация ... кандидата философских наук: – Белгород, 2006. – 196 с.

3 LucjanSuchanek. Литературоведение и культурология //SborníkPracíFilozofickéFakultyBrněnskéUniverzity. Slavicalitteraria. X 8, 2005, – с. 127-130

4 Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: изд-во «Республика», 1995. – 624 с.

5Шеллер М. Ре resentимент в структуре моралей. СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. – 231 с.

6 Философия и методология науки (понятия, категории, проблемы, школы, направления). Терминологический словарь-справочник. Directmedia, 2017. – 276 с.

7 Днепровская И.В. Метафизика преступления в философии Ф.М. Достоевского: личность в поиске подлинности бытия //Соловьёвские исследования. – 2011. – №3 (31). – С.46-60.

ВИДЫ ЛИТЕРАТУРНОГО КОНТЕНТА

Иванова Е.И. (E-mail:ekaterina_ivanova_2108@mail.ru)

Харитоновна Л.М. (E-mail:novoedelo@yandex.ru)

Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда

В статье предпринимается попытка анализа литературного контента в Интернете. Автор рассматривает проблему классификации объекта исследования и предлагает свою систематизацию в соответствии со степенью мультимедийности и конвергенции контента, а также влияния процесса коммерциализации.

В последние десятилетия Интернет стал неотъемлемой частью жизни человечества. Вряд ли представляется возможным выявить такую сферу деятельности, где не была бы задействована Всемирная сеть. Разумеется, литература исключением не является, а, напротив, становится основой или одной из составляющих большого количества интернет-площадок. Направленность подобных ресурсов отличается богатым разнообразием: литература может рассматриваться ими и с научной точки зрения как область изучения филологии, и в качестве материала для научно-популярного или развлекательного контента. Н.В. Долгова отмечает, что Интернет является «площадкой для трансляции литературных произведений, огромного количества не только литературных, но и паралитературных, псевдолитературных текстов, в создание коммуникативных событий вовлекается массовый читатель-писатель» [1, 154].